

Творчество Герцена в немецком сознании его эпохи (по новым материалам)¹

СОФЬЯ ГУРВИЧ-ЛИЩИНЕР

Sophia GURVICH, Tel-Aviv University, The Cummings Center for Russian and East-European Studies, P.O.B. 15245 Rishon-Lezion, 75051 Israel

Abstract: The author researches the esthetic reception of Herzen's creative work in Germany including new discovered press, archives and correspondence of his contemporaries. Starting from the first publications in Germany of Herzen's lyric-philosophical prose and translation of the novel *Kto Vinovat?* (1850, 1851) the progressive reader immediately sensed the affinity between Herzen and the artistic tradition of the German Enlightenment, the *Weltanschauung* of Goethe, the imagery of Heine on the one hand and the originality of the spiritual experience of the writer. Herzen's works subsequently made an organic contribution to the German literary stream—„enriching” it with new esthetic potential.

The article analyzes the dialogue in the German criticism, which conservative school did not accept the uncompromising nature of Herzen's poetic world. It examines the role of literary mediators: translators, publishers, journalists, who sensed, more acutely than others, Herzen's innovative significance for Germany and Europe (e.g., M. Meysenbug, V. Wolfson, U. Rodenberg), the influence of his esthetic on the creative activity of these and others literary figures. The Herzen's poetics of intellect was extensively broadening the spiritual horizons of German literature and preparing the way for a new rise of „intellectual prose” in the 20th century.

1. Трудно представить себе писателя, мыслителя, который бы столь наглядно воплощал в своем художественном мире, в своей творческой деятельности единство мирового литературного процесса, общность гуманистических устремлений европейской культуры. Причем это было осознанной жизненной, эстетической позицией автора «Былого и дум», он ощущал себя наследником духовных усилий человечества в прошлом — и передаточным звеном его творческих заветов, «былого и нажитого» будущему. «За нами, как за прибрежной волной, — писал он, — чувствуется напор целого океана — всемирной истории, мысль всех веков на сию минуту в нашем мозгу, а с нею мы — власть»².

Связи же Герцена с немецкой культурой, пожалуй, по-особому глубоки, сложны и органичны. Ибо укоренены они и в личной биографии, и в литературном воспитании («шиллеровский период»), и в общественных обстоятельствах духовной жизни России 30–40-х годов, — времени созревания его взглядов (когда имена Гёте и Шиллера приобрели всеобщий знаковый смысл этического выбора), и в политической истории Европы периода революции 1848 г., — масштабами которой

¹ Работа подготовлена с финансовой помощью Fritz-Thyssen-Stiftung.

² А. И. Герцен. Собрание сочинений в 30 томах, XI. Москва 1957, 252–253 (далее ссылки — в тексте).

вскоре будет измеряться его деятельность. Эти связи укоренены также в языковой стихии, что немаловажно для писателя. Да и сама фамилия великого русского мыслителя, придуманная отцом, в своем звучании стала выразительным знаком кровной, сердечной связи двух культур.

Значимость немецкого духовного потенциала для внутреннего роста Герцена была столь велика, что и преобразованный в новом, оригинальном мыслительном синтезе, этот потенциал обнаруживается так или иначе в подпочве его творческого мира и в зрелый период. Недаром поэтому, когда произведения Герцена становятся достоянием европейской читающей публики, ей сразу же бросается в глаза их соотнесенность с вершинами немецкой литературы, философии, политической мысли. Эти свойства и приблизили его творчество к восприятию современника в Германии, определили его первые эстетические впечатления. Вот как об этих впечатлениях свидетельствовал в 1858 г. немецкий демократический критик К. Фолькгаузен, вспоминая об откликах на появление в 1850 г. первых немецких публикаций лирико-философской прозы Герцена — *Vom anderen Ufer* и *Briefe aus Italien und Frankreich* (далее — VaU, BaIF): «Неизвестный до сей поры автор выступил в защиту революции, республики, социализма с поразительным мастерством. Диалектическая острота, которая могла соперничать с таковой в писаниях сильнейших младогегельянцев; ослепительные краски и удивительная образность, напоминавшая гениальность гейневских „Путевых картин“, — наряду с „жаром энтузиазма“, который вызывал в памяти „Слова верующего“ Ламенне — всё это находили в тех книгах»³.

С этими наблюдениями перекликались также суждения Т. Пульсской, Л. Вамберга, Ю. Роденберга, Ф. Альтгауза, Э. Освальда, Н. Сазонова и др., неизменно находивших параллели у Герцена то с «немецкой философией», то с «изоощренной полемичностью» Л. Берне, то с «спокойной уверенностью взгляда» Гёте, то с «богатством фантазии» Гейне⁴. И вместе с тем, все эти соотнесения, имевшие под собой почву, оказывались недостаточными... Но об этом позже.

С начала XX в. контакты творчества Герцена с немецкой культурной традицией становятся достоянием научного изучения как в России, так и в Германии, а позже появляются исследования и в других странах. Назовем лишь некоторые вехи в этом ряду — труды российского акад. В. Жирмунского и немецкого проф. Г.-Б. Гардера, проф. Д. Чи-

³ С. VOLCKHAUSEN. Alexander Hecen («Das Jahrhundert», 1858/22, 342; перепечатанного в кн.: E. REISSNER. Alexander Hecen in Deutschland. Berlin 1963, 258, ср. 24–25; далее это изд. обозначено: REISSNER). Немецкие цитаты здесь и далее — в моем переводе.

⁴ Многие из этих попыток выяснить линии духовной и художественной преемственности зафиксированы в «Летописи жизни и творчества А. И. Герцена», (кн. 1–5). Москва 1974–90 (авторы разделов Л. Ланский, И. Птушкина, С. Гурвич-Лицинер; далее это изд. обозначено: ЛЖГ; см. (кн. 1), 575; (кн. 2), 20). См. также: С. Лицинер. Творчество Герцена в европейском эстетическом сознании его эпохи: Вопросы литературы, 1984/9, 92–94).

жевского в Гейдельберге и А. Володина в Москве, а также Р. Данилевского в Ленинграде, М. Малиа в Кембридже, Э. Костки в Филадельфии. Из недавних работ можно выделить статьи З. Смирновой (Москва, 1985), Э. Келли (напечатана в Берлине, 1990) и Е. Дрыжаковой (вышла в Лондоне, 1992).

Наша тема требует, однако, остановиться на состоянии изучения «обратной связи» — т.е. рецепции творчества Герцена в Германии. В 1950–60-е годы в немецкой славистике появилось несколько серьезных исследований этой проблематики. Очень важна книга: E. Reissner. *Alexander Hercen in Deutschland*. Berlin, 1963. Она содержит свод всех к тому времени известных или найденных автором публикаций Герцена и о Герцене в немецкой печати (а 31 текст из числа последних приведен в «Приложениях» к книге). Большая насыщенность документами времени определила также ценность серии статей проф. Цигенгайста, в частности, — *Über die Bedeutung von Alexander Hercen Schaffen für die progressive deutsche Gesellschaft der 50-ten Jahren der 19. Jahrhundert*⁵. К названным трудам примыкает и весьма информативная работа Э. Вольфграмма *Alexander Hercen und die „Deutsche Monatschrift“*⁶. В ней анализируются дискуссии на страницах радикально-демократического журнала *Deutsche Monatschrift für Politik, Wissenschaft, Kunst und Leben* (Stuttgart, Bremen; ред. — участник революции А. Колачек; далее — ДМ), разгоревшиеся вокруг названных первых немецких книг Герцена в 1850–51 гг., сразу же по их выходе, — и прослеживается история его активного сотрудничества тогда же в этом журнале левых немецких республиканцев.

На работы Рейсснера и Цигенгайста опирались мы во многом при освещении места Герцена в немецкой печати в «Летописи жизни и творчества А. И. Герцена»⁷, используя также материалы архива Герцена, неизвестные этим ученым.

Но со времени работы над названными трудами прошло уже несколько десятилетий. Открылся более свободный доступ к немецкой прессе, появилось много публикаций, посвященных деятелям немецкой литературы и освободительного движения, друзьям и современникам Герцена. Передо мной тома переписки М. Мейзенбуг, П. Якоби, Ф. Каппа, М. Гесса, Ф. Левальд, Т. Фонтане, Ф. Ницше и пр. Продолжаются и исследовательские разыскания. Так, Г. Цигенгайсту удалось

⁵ Zeitschrift für Slavistik, 1962/4. Роль произведений Герцена в углублении представлений немецкой критики о русской литературе затрагивается в статье: Г. Цигенгайст. Герцен в Германии середины XIX столетия (Проблемы изучения Герцена. Москва 1963, см. 343–345).

⁶ Geist und Zeit, 1956/4.

⁷ См. прим. 4. Первоначальной попыткой обобщить эти факты была моя упомянутая статья «Творчество Герцена в европейском эстетическом сознании...».

уточнить время первых упоминаний о Герцене в немецкой прессе⁸. Ранее таковым считалась краткая информация Р. Липперта о «Кто виноват?» в берлинском «Magazin für die Literatur des Auslandes» от 10 апреля 1847 г. Но еще на месяц раньше Липперт, как выясняется, сообщил о выходе романа Искандера читателям «St. Petersburgische Zeitung»⁹. Кроме того, изучение этой газеты меняет и сведения о дебюте самого Герцена «как писателя русской „натуральной школы“» перед немецким читателем. Оказалось, что еще за три года до публикации его лирической публицистики в Гамбурге и затем вольфзоновского перевода «Кто виноват?» в Лейпциге (февраль 1851 г.), — уже в марте 1847 г. в «St. Petersburgische Zeitung» Липперт поместил свой перевод фрагмента «Патриархальные нравы города Малинова» из «Записок одного молодого человека» (I, 287–299 – Patriarchalische Sitten der Stadt Malinovo, № 52–54, 18–20 März 1847, 207–216), а затем — сокращенный перевод статьи Герцена «Станция Едрово» (II, 177–193, под названием *St. Petersburg und Moskau: nach dem Russischen des Iskander*, № 88, 4 Mai 1847, 355–356).

Эти две петербургские публикации прошли, очевидно, незамеченными в самой Германии, не вызвав печатных откликов, но и они не должны быть забыты. Ученый указал также на вступления Ф. Каппа к опубликованным им в Прибавлениях к *Westdeutsche Zeitung* февраля 1850 г. отрывкам из выходявших одновременно у Гофмана и Кампе VaU и VaIF, а это уже было началом герценовской сенсации в Германии...

Так стала ясна необходимость, с опорой на уже добытые факты, заняться дальнейшим поиском источников, изучением суждений и оценок, да и пополнением самих сведений о переводах — или прямом сотрудничестве Герцена-эмигранта в немецкой печати 50–60-х годов. К тому же, в трудах наших предшественников при анализе общеполитических позиций, оценок, дискуссий вокруг произведений Герцена эстетическая сторона их восприятия немецкими читателями не была выделена. И совсем в тени оставалась проблема воздействия творчества Герцена на литературный процесс в Германии.

Все эти задачи встали передо мной, когда, благодаря финансовой поддержке Fritz-Thyssen-Stiftung (Кёльн) мне представилась возможность в течении нескольких месяцев продолжать сбор материалов в Немецком литературном архиве (Марбах) и других книгохранилищах Германии. Я благодарю также директора архива д-ра У. Отта, его сотрудников г-жу И. Грюннингер, г-на В. Файфеля и всех других за ежедневную любезную помощь в этой работе.

⁸ G. ZIEGENGEIST. Hercen's german connection in the "Vormärz" and "Nachmerz" (Alexander Hercen and European Culture. Nottingham, Astra Press, 1984, 173–186).

⁹ В статье «Blicke ins Petersburger Leben» № 45 от 10 марта 1847 г., с. 180.

2. В результате дополнительных разысканий расширяется теперь источниковедческая база для изучения эстетической рецепции творчества Герцена. Вводятся мною в научный оборот один рукописный и восемь полных печатных текстов статей и рецензий на его произведения — писателей и критиков Вильгельма фон Шольца, Фридриха Каппа, Левина Шюкинга, Людвига Вамбергера, Юлиуса Роденберга, Рафаэля Лёвенфельда, Лотара фон Фредрика. Уточняется также авторство некоторых печатных материалов.

К примеру, в Марбахском архиве хранится фонд издателя *Allgemeine Zeitung* Котта, а в нем — ее уникальный полный экземпляр с карандашными редакционными пометами на полях множества статей об их авторах, пометами, сделанными соответственно гонорарным ведомостям. Благодаря этому, обнаруженный интересный текст рецензии 1855 г. на перевод II части «Былого и дум» атрибутируется писателю Л. Шюкингу. Среди других авторов статей и заметок о Герцене находим и проф. Людвига Гойссера из Гейдельберга, и участницу демократической эмиграции 1848 г. Матильду Аннеке, и др.

Важные отзывы о личности и творчестве Герцена найдены также в переписке, дневниках издателя Ю. Кампе, писателей А. Штара, Ф. Левальд, Т. Фонтане, М. Мейзенбург, в письмах к ней Ф. Ницше. Письма ее к Г. Кинкелю, в соотнесении с другими источниками, расширяют, к тому же, круг сведений о ее переводах произведений Герцена. Так, мы узнаем, что еще в 1861 г., сразу по написании, был переведен ею очерк «Роберт Оуэн» («из лучших моих статей», в оценке автора). Как выясняется, ей принадлежат и переводы важных колокольных статей Герцена, помещенных в лондонском еженедельнике Кинкеля «Hermann» в начале 1859 г., — например, статьи «Россия и Польша». Есть основания и для атрибутирования ей перевода «Сороки-воровки», а также фрагментов V и VI частей «Былого и дум», напечатанных в берлинском «Deutsche Magazin» в 1861 г. Эти письма отражают и повседневное идейное, творческое воздействие Герцена на ее мировидение, даже непосредственное его участие в ее собственной публицистической и критической работе. Вместе с тем, значительно расширяется общее представление об этой работе.

Так исследование новых документальных публикаций позволяет увидеть объемнее картину переводов Герцена, механизм восприятия, распространения популярности, влияния его личности и произведений на передовую литературную среду Германии периода 50–60 годов.

3. А теперь перейдем к существу откликов, основным направлениям восприятия и оценок. Подлинное вхождение Герцена в немецкую литературу и ныне, вопреки найденным петербургским переводам 1847 г., думается, следует все же датировать 1850 г., когда в феврале–марте в Гамбурге вышли из печати два высоких образца лирико-философской прозы Герцена — VaU и VaIF. Это были оригинальные

книги, впервые увидившие свет именно на немецком языке¹⁰. Здесь художественно осваивался трагический опыт поражения революции — в прямой лирической медитации и философском диалоге, открывая новые жанровые, творческие возможности для немецкой — и мировой литературы. Глобальная историческая катастрофа настолько вошла здесь в плоть и кровь личности, в развертываемую перед читателем жизнь ее интеллекта, что лирический герой и сам автор ощущался как средоточие духа времени, его борений, утрат, краха иллюзий (это был сам «1848 год в человеческом образе», по позднейшему определению Г. Брандеса¹¹).

Поэтому тяжкие раздумья автора были восприняты передовой общественностью Германии как воплощение ее собственных душевных метаний, родственное по лирической распаханности писаниям Гейне. И вместе с тем — как создания необычные, совершенно незаурядные по силе таланта, как взлет резкой, беспощадной правды, — в самой «отваге знания», нащупывающей новые ориентиры и надежды. Эта мысль проходит через многие отклики, и непосредственно сопутствующие выходу названия книг, и более поздние (как статья Фолькгаузена), за которыми стояли уже и другие публикации. А они не заставили себя ждать. Серия немецких важнейших сочинений Герцена публикуется вскоре в DM. Это два лирических эссе «*Omnia mea mecum porto*» и «*Mein Lebewohl. Epilog zum Jahre 1849*» (август и декабрь 1850 г.: вошли в последующие издания «С того берега»). Здесь же с начала 1851 г. печатается впервые, в 7 двухнедельных выпусках основополагающая критико-публицистическая и историческая работа Герцена «*Von der Entwicklung der revolutionären Ideen in Rusland*». Вокруг этих книг и статей развернулась широкая политическая дискуссия об итогах и будущей революции в Европе, ее свободолюбивых потенциях (статья Ф. Фальмерайера, Л. Бамбергера, Р. Зольгера, К. Науверка, Л. Симона, А. Колачека и др.). Но нас сейчас занимает литературный резонанс этих произведений. Его характерно передают дневниковые записи К. Фарнгагена фон Энзе, не раз выражавшего восхищение «замечательными» статьями в DM о России, (еще не зная имени автора). Прочитав же очередное продолжение *Von der Entwicklung...*, он 3 апреля 1851 г. пишет: «Это сочинение, которое по содержательности и силе, по глубине и страсти представляет собой целый переворот! Равного ему не найти в мире!»¹²

¹⁰ Они были написаны по-русски, но для немецкой публикации диктовались с листа Герценом осенью 1849 г. молодому другу, ставшему на несколько месяцев его секретарем, — Ф. Каппу, участнику революции 1848 г., эмигранту в Париже, затем, вслед за Герценом, переехавшему в Женеву.

¹¹ Г. Брандес. Россия. Наблюдения и размышления. Литературные впечатления: Собрание сочинений, 19. Спб. (1913), 171.

¹² К.-А. VARNHAGEN VON ENSE. Tagebücher, VIII. Zürich 1965, 124. Ср. ЛЖГ, (кн. 2), 20 (автор раздела Л. Ланский; отнесено к «*Omnia mea mecum porto*»). Возвращаясь к этому произведению в переводе 1845 г.: «*Rusland soziale Zustände*», 15 ноября 1854 г. вновь

И в этом же году, в феврале, выходит из печати в Лейпциге первый вообще в Европе перевод романа «Кто виноват?» — *Wer ist schuld?*, выполненный молодым поэтом, филологом, критиком Вильгельмом Вольфзоном, энтузиастом русской литературы. Он вышел в изд. Ф. Брокгауза *Ausgewählte Bibliothek der Klassiker des Auslandes*, 77. *Russlands Novellendichter. Dritter Teil*, где ему предпослана содержательная аналитическая статья переводчика. В форме письма к «старому другу» А. Круцигеру, участнику революции 1848 г., представлен немецкому читателю общий очерк личности, мировидения мыслителя и художника. Характеризуется оригинальность творческой манеры, своеобразие юмора, «психологическое чутье», «богатство поэтической мысли». Роман оценивается как «одно из значительнейших явлений русской литературы». «Высокоидеальное и нравственное содержание сочинений», резкость «отрицания всей общественной системы» делает их близкими коренным проблемам, обуевающим «каждую немецкую душу»¹³.

Публикация романа вызвала целую серию откликов. Самые чуткие из рецензентов — Р. Зольгер, Г. Кюне, А. Цайсинг, позже — П. Гейзе акцентировали, вслед за переводчиком, — «нетривиальность», «нетрадиционность», непривычное сочетание социальной остроты, реализма романа — и мощи философского мышления автора, «красноречивый жар благородных убеждений», лирическую «искренность и правду», доходящие до резкости, которая отличала этот русский роман от «реализма стареющей Европы»¹⁴.

А с публикацией затем первых частей «Былого и дум» в Лондоне (с 1854 г.) и вслед за тем их переводов, осуществленных М. Мейзенбуг, — в Гамбурге (в 4 тт., Гофман и Кампе, 1855–1859 — «Aus den memoiren eines Russen») слава Герцена приобрела мировые масштабы. В 1858 г. там вышел также в переводе Мейзенбуг том «Прерванных рассказов» — «Unterbrochene Erzählungen», вызвав столь же оживленные отзывы.

Таким образом, произведения писателя с начала 50-х годов становились сразу по их появлению непосредственно крупными явлениями и немецкого литературного процесса, не теряя вместе с тем своей оригинальности и национальной самобытности. И значительность этого

определяет: «Очень пламенно, дерзко, глубоко»: Там же, XI, 314. И впоследствии, приветствуя вольную прессу Герцена как «дело исключительного значения», следя пристально за его произведениями, читая «Былое и думы», «La conspiration rus se de 1825» (L., 1858), «Frankreich oder England» (Hamburg 1858), он особенно выделяет в двух последних неотразимую силу сарказма герценовских портретов: царь Николай — «коронованный сержант», «Николай и Луи Бонопарт заклеены с ледяным накалом»: Там же, XI, 392, XIV, 264, 272.

¹³ S. 11–18. См. также: REISSNER, 7–12; ЛЖГ, (кн. 2), 16.

¹⁴ DM, 1851/6, 366–375 (рецензия Р. Зольгера); Europa. Chronik der gebildeten Welt, 1851, 403–406 (рецензия, вероятно, ред. Г. Кюне); Blätter für literarische Unterhaltung, № 46 (13. 11. 1852) 1090–1093 (A. ZEISING. Russische Novellen); Literaturblatt des Deutschen Kunstblattes 1858, январь, S. 11–12 (рецензия П. Гейзе). См. также: REISSNER, 12–16, 222–238; ЛЖГ, (кн. 2), 31, 36, 391–395.

единственного в своем роде феномена постоянно отмечалась в критике. Уже в феврале 1850 г. Ф. Капп первым и очень решительно сформулировал этот необычайный факт. Публикуя в кельнской газете «Reinisches Echo» фрагменты выходящих одновременно отдельными изданиями VaU и VaIF, он в своей вводной статье заявил: «Мы видим, что наша литература с помощью коренного русского обогатилась значительным, даже классическим вкладом»¹⁵.

Год спустя немецкий эмигрант в Париже Э. Освальд вновь характеризует VaU как образец «подлинной немецкой прозы», исполненный, правда, «чересчур часто» «душевной скорби»¹⁶.

В найденной мной статье 1855 г. о первом переводе из «Былого и дум» Л. Шюкинг также акцентирует эти своеобразные свойства творчества Герцена, обнаруживая при этом знакомство со всем его объемом — в публикациях не только немецких, но и французских, и доэмиграционных, русских. «Перед нами здесь писательская деятельность, которая движется не менее чем в трех языковых сферах, и в каждой из них получила признание изощренной разработкой формы, — пример, какой мог быть представлен, вероятно, только отпрыском красноречивой славянской расы. Помимо этой одаренности формы, у Герцена бросается в глаза еще другой характерный момент — своеобразное слияние в нем немецкой и русской сути». Сформировалось оно, как полагает критик, под общим влиянием «идеологии младогегельянской школы», «скептико-иронических» традиций Пушкина, Лермонтова и «французского образования», придающего его «часто глубоким и беспощадным мыслям очарование пикантности». Всё это делает его «ультрасоциалистические» писания «в десять раз более увлекательными, чем его немецких единомышленников»¹⁷.

Именно таким путем привнося в сознание немецкого общества новые духовные, художественные потенции, Герцен и «завоевал себе права гражданства в немецкой литературе» (слова издателя Ю. Кампе в письме к М. Мейзенбуг 1856 г.¹⁸).

Эта же неординарная ситуация нашла отражение еще в одном документе, на котором хотелось бы задержаться, в частности, и потому, что с ним связан любопытный эпизод в моих марбахских разысканиях. В *Allgemeine Zeitung* 6 января 1858 г. напечатан очерк *Die Deutschen in*

¹⁵ Reinisches Echo № 14 (3. 02. 50) 109 (воскресное приложение к „West deutsche Zeitung“, Кёльн, ред. Г. Беккер), статья Die Würdigung Ruslands. Briefe aus Italien und Frankreich (1848–49) von einem Russen, Verf. des „Vom anderen Ufer“, Hamburg, Hoffmann & Campe (1850). См. также: G. ZIEGENGEIST. Herzen's German connections, 177–184. Следует заметить, что Герцен отозвался о статье Каппа отрицательно — по-видимому, найдя ее слишком комплиментарной (см. XXIII, 262, ср. 274).

¹⁶ «Liberté de penser», № 40, p. 425, ст.: Etudes sur la Russie. См. ЛЖГ, (кн. 2), 19–20.

¹⁷ «Allgemeine Zeitung». Beilage zu № 262 (19. 09. 1855) 4185.

¹⁸ M. VON MEYSENBUG. Memoiren einer Idealistin (Gesammelte Werke, II. Stuttgart–Berlin–Leipzig, 1922, S. 16–17).

London, где, наряду с портретами Г. Кинкеля, Ф. Фрейлиграта, М. Шлезингера и других немецких эмигрантов, описано посещение анонимным автором Герцена в Путнее, чему следует пояснение в уже знакомом нам роде, но тем не менее — достаточно знаменательное: «Герцен — русский, но его литературная деятельность принадлежит также Германии»¹⁹. А кому принадлежит это ответственное заявление? (Ведь мне важен круг живого литературного общения Герцена, сфера прямых контактов, эстетического признания и воздействия!) Обращаюсь к уникальному экземпляру газеты с пометами об авторах, но на этот раз он не выручает: поля очерка чисты. И всё же — под его названием я обнаруживаю: Nachdruck nach der Zeitung für Norddeutschland. Вот причина необозначенности автора, и указание пути дальнейшего поиска: возможно, в первоначальной публикации очерка автор обозначен. Через месяц у меня на столе микрофильм этой газеты, выписанный через архив Ганновера, и я вскоре нахожу более полную редакцию очерка в номерах от 17–21 декабря 1857 г. Увы, и здесь авторство не раскрывается. Остается вчитываться в текст, искать содержательные ориентиры, реалии-подсказки. Видишь, что автор — юный поэт из круга «Молодой Германии», влюбленный в стихи Фрейлиграта, сохранивший пиетет к боевому прошлому Кинкеля... И вдруг некоторые детали его встреч, разговоров с ними, обсуждаемые стихи и книги ощущаются удивительно знакомыми. Я это уже читала где-то — да, в дневниках Юлиуса Роденберга²⁰, которые просматривала в числе других, нащупывая сферу возможного распространения духовно-эстетических импульсов, исходящих от произведений Герцена — прежде всего в среде передовой, демократически настроенной интеллигенции, соприкасавшейся так или иначе с людьми и событиями 1848 г., частью оказавшейся затем в эмиграции в Париже, Швейцарии, Лондоне...

Таким образом, текстуальные совпадения анонимного очерка с дневниковыми записями Роденберга позволили атрибутировать ему очерк 1857 г. *Die Deutschen in London*²¹. Тем самым одна из выразительных формул деятельного участия Герцена в литературной жизни Германии не только обрела автора — в лице вступающего в литературу 25-летнего писателя и журналиста, но и оказалась санкционированной редакциями двух влиятельных немецких газет.

К тому же, начало личного общения Роденберга с Герценом переносится теперь с рубежа 1860-х на осень 1856 г. (вскоре немецкий журналист станет одним из активнейших пропагандистов его творчества в Германии). Известно, что Роденберг посетил Герцена также в конце

¹⁹ Beilage zu № 5, S. 75; см. также ЛЖГ, (кн. 2), 390; С. Лицинер. Творчество Герцена в европейском эстетическом сознании..., 99.

²⁰ RODENBERG. Aus seinen Tagebüchern. Berlin 1919 (записи октября–ноября 1856 г.).

²¹ Затем авторство его дополнительно подтвердилось. Я нашла очерк в книге: J. RODENBERG. Kleine Wanderchronik, 2. Hannover 1858, 248–276, заключающий цикл очерков «London im Herbstnebel. Erlebnisse und Betrachtungen (1856)».

июля 1861 г. — уже будучи редактором журнала «Deutsches Magazin», который он поставил себе целью сделать «значительнейшим представителем немецкой литературы и культуры» не только для Германии, но и для мира. Не его принципы и тенденции: только его горизонт отличает его от остальных немецких журналов. «Этот горизонт», — писал он известному писателю Т. Шторму 9 февраля 1862 г., приглашая к участию²².

Для этого журнала счел он честью заручиться активным сотрудничеством Герцена. И действительно, во многих его номерах 1861–62 гг. помещены герценовские материалы. Здесь впервые напечатаны переводы «Сороки-воровки», фрагментов V и VI частей «Былого и дум» о Гарибальди и Маццини, атрибутируемые теперь, как сказано, М. Мейзенбург. Письма ее подтверждают также прежде лишь предполагавшееся авторство статьи о Герцене и крестьянской реформе *Die Emanzipation der russischen Leib eigenen* в № 3 журнала 1861 г.²³ Наконец, здесь в мае 1862 г. напечатана статья самого редактора *Eine Stunde bei Alexander Herzen* и помещен портрет Герцена с автографом (гравюра с фотографии С. Левицкого 1861 г.), под редакционной «шапкой» «Unsere Mitarbeiter»²⁴.

Эта статья Роденберга также примечательна во многих отношениях. Уже в ее зачине заключено свидетельство широчайшей известности Герцена в Германии начала 60-х годов: «Я могу рассчитывать на то, что среди моих читателей нет ни одного, кто бы не слышал об Александре Герцене». Часть читала «его сочные, сильные повести или полные ума очерки». Большинство «знает его как энергичного и исполненного энтузиазма борца за освобождение русского народа» (388). Следуют восторженные оценки произведений писателя, со специальным выделением VaU, — книги, «положившей начало популярности Герцена в Германии». Его мемуары стали такой широкой «картиной современной русской жизни, подобной которой у нас еще не было и которая самой правостью и простотой изображения убеждает в их непрерываемой верности действительности» (391).

Притом полное эстетическое приятие демонстрируется здесь вопреки несогласиям в политических взглядах. И столь же безусловно — вопреки им выражает автор свою симпатию к самой личности Герцена, граничащую с преклонением: «Я люблю его, этого человека, вероятно, величайшего из всех политических агитаторов современности; и хотя он революционер, а я нет, но я ценю в нем мужество его убеждений и достоинство, с которым он страдает и борется за них. Я ценю открытость и надежность его характера, блестящий интеллект, всеобъемлющую образованность, необычайную легкость в обращении и глубокое

²² См.: *Schriften der Theodor-Storm-Gesellschaft* 22 (1973) 37–38.

²³ Ср.: *REISSNER*, 39, 202–203, 192; ЛЖГ, (кн. 2), 195, 201, 205, 265.

²⁴ *Deutsches Magazin*, 1862/5, 286–297; см. также: *REISSNER*, 39–41, 318–327.

эстетическое чувство». Ну, и главное — «доброе и великодушное сердце» (293).

Мы видим, что как достойный восхищения эстетический феномен воспринимается сама личность Герцена. Здесь перед нами нечастое — но для Герцена и его лирической прозы органичное явление: взаимообогащение разных рядов впечатлений. Токи обаяния, идущие от личности, накладываются на восприятие произведений, усиливая их притягательные свойства, — и наоборот. Это наблюдалось во множестве критических откликов, начиная с первых суждений о ВаУ (например, в корреспонденциях Л. Бамбергера), со статьи Вольфзона о «Кто виноват?». И тем более это явление естественно для восприятия «Былого и дум».

4. Произведения Герцена вливались, таким образом, в текущий литературный поток Германии, воспринимаясь как родственные, продолжающие органические нити немецких гуманистических литературных, философских, эстетических традиций. И вместе с тем они ощущались каждый раз как несводимые к этой близости, к любому сочетанию этих традиций. Те же, что в рассмотренных откликах имена Гейне, младогегельянцев названы вновь, и подобные же выводы сделаны также в первой немецкой энциклопедической статье о Герцене, как бы итоговой в определенном смысле, — появившейся в 1859 г. в ежегоднике-приложении к энциклопедическому словарю Ф. Брокгауза²⁵. «Его (Герцена) практические деяния принадлежат России, — формулируется лапидарно здесь, — его литературные заслуги — Германии» (1849). А далее следуют уточнения. Неустановленный автор демократического направления отмечает, что Герцен в своем мировидении «являет на свет новый, до этого незнакомый элемент, который действует и ошеломляюще, и освежающе. Он выступил как красноречивый представитель славянского народного духа» (133).

Специфика русского национального духовно-эстетического опыта ощутима для немецкого художественного вкуса, в первую очередь, — в бескомпромиссной резкости отрицания социального строя крепостнической России и буржуазной Европы, в непримиримом обличении трусости и непоследовательности либеральных деятелей 1848 г. Острота сарказма, реалистическая глубина социально-психологического анализа характеров, беспощадность иронии над привычными устоями старой морали — притягивали одних — «ошеломляли и освежали» (вспомним также отзывы Фарнгагена, Вольфзона, Фолькгаузена и др.) — и были эстетически неприемлемы для других.

В анонимной статье «Magazin für die Literatur des Auslandes» это отторжение выражалось упреком в «известной суровости и шероховатости формы, которая чужда нашей западной культуре и напоминает

²⁵ Unsere Zeit. Jahrbuch zum Konversationslexikon, 3. Leipzig (1859), 128–140; см. REISSNER, 33–36, 283–301.

скорее дикую резкость казаков»²⁶. Еще показательнее в этом отношении статья еженедельника «Blätter für literarische Unterhaltung», посвященная выходу «Unterbrochene Erzählungen» и «Gedachtes und Erlebtes» (III и IV немецких выпусков «Былого и дум»)²⁷. Умеренно-либеральный автор признает «смелость, «необыкновенный ум», «могущество пера» Герцена, «русского Бальзака», но отвергает резкость его «критики общественной морали». Беспощадность реализма писателя явно раздражает эстетические чувства критика: писатель «не просто разлагает человеческие слабости, раны общества и карает их; нет, он издевается над ними и доходит до того, что пробуждает у читателя не сострадание, а ненависть к ним. Это своеобразный стиль <...> не юмора, не сатиры, не иронии, но ядовитой насмешки; его пером движет чудовищное глумление. Он не умиротворяет, но проясняет, основательно, беспощадно, без снисхождения; он разлагает душу читателя, пока ничего другого не остается, кроме гнева, ненависти против общественных обстоятельств». «Такая острота наблюдательности, подлинная поэзия и такое ожесточение — редко сочетаются в одном уме <...> каждое слово — это стрела, и сверх того ядовитая, направленная в сердце мира, общества». Невозможно «молчать, если кто бы то ни было ставит под сомнение нравственные основы мира».

Так возникает острый диалог-отталкивание от столь непривычного художественного мира — наряду с диалогом восприятий его в самой немецкой критике. И в этом диалоге выступает на авансцену второе специфическое свойство новой творческой ойкумены, открываемой немецким эстетическим сознанием. Если для части критиков — более консервативных художественных вкусов — резкость социального анализа, неуклонность трагических развязок заслоняли собой всё в творческой палитре Герцена и воспринимались как безысходность, другие, более широких литературных взглядов (как Фальмерайер, Вольфзон, Кюне, Зольгер, Фолькгаузен, Гейзе) — напротив, ценя реалистическую остроту, обнаженность картин действительности, ощутили и неразрывную с этой непримиримостью мощь гуманистической мысли, высоту идеалов автора, — восприняли заключенную в этой структуре возможность катарсиса как поэтическую надежду на прорыв фатального круга характеров и обстоятельств.

Здесь стоит выделить проникновенную статью писателя и эстетика радикально-демократического направления А. Цайсинга, который еще в 1852 г., в анализе «Кто виноват?», «значительнейшего и ценнейшего произведения» из всей переведенной к тому времени русской прозы, четко улавливает эти важнейшие черты оригинальности его реалистической структуры (хоть и в несколько туманных выражениях, что сле-

²⁶ Bd. 45, № 55 (9. 05. 1854) 220 — статья «Russische Literatur im Ausland», см. REISSNER, 17.

²⁷ № 32, 4. 08. 1859, S. 589–592; см. REISSNER, 32–33, 276–282; ЛЖГ, <кн. 2>, 62.

дует отнести на счет не только гегельянской терминологии, но и цензурных условий в годы послереволюционной Германии)²⁸.

При «убедительной верности действительности» и «всей безотрадности изображенного», критик находит «общее впечатление этой повести» «утешающим», ибо «в ней творящий субъект предстает высоко и свободно парящим над описанным объектом и открывает нам этим просвет из грустной реальности в высшую, идеальную сферу (...) совершенно особенной красоты». Герцен «дает возможность представить себе, что обстоятельства могут не вечно оставаться такими, каковы они есть; он будит сознание того, что действительно уже есть нечто высшее», что уже и в России «Идея начинает свою борьбу с косными формами отжившей действительности». Писатель принужден представить «первые жизненные побуждения Идеи» не только побеждаемыми, но и «разрушительными». «Но так как в нем самом живет уверенность, что такие поражения, в сущности своей, лишь скрытые победы», он умеет это «будящее надежду ощущение передать также читателям и этим достичь подлинно трагического воздействия, которое в самое тяжкое и потрясающее всегда вносит нечто успокаивающее и ободряющее» (1091–92).

В том, что основная «проблема вины» и «социальной обусловленности» судеб героев не решается «в лоб», а предстает перед читателем «великой загадкой», побуждающей к всё новым размышлениям, критик видит особенную эстетическую силу романа, которая вводит его в ряд произведений, «делающих эпоху». Наконец, резюмирует этот тонкий, проницательный анализ характеристика юмора Герцена, «парящего над целым, дерзко и поразительно сливающего мрачное со светлым, волнующее со смешным, — и открывающегося в нем серьезного художественного мировоззрения» (1093).

Так критиком осознается здесь раскрепощающая сила поэтической мысли в реализме Герцена, а от этого свойства уместно перейти к третьей — и нераздельной со сказанным — притягательной особенностью его творчества, которую остро чувствовали наиболее эстетически подготовленные современники. Это глубокое и доверительно устремленное к разуму читателя изображение самой жизни интеллекта, показ живой пульсации человеческой мысли, в ее движении, обретениях и утратах, бесстрашное обнажение духовных противоречий личности — будь то эпические характеры в сюжетных повествованиях, портреты реальных людей в мемуарах, или исповедь лирического героя, или поиск истин в философском диалоге.

Очень взволнованно об этой стороне творчества Герцена говорит запись в дневнике известной романистки Фанни Левальд, которую современники называли «немецкой Жорж Санд». 15 июня 1862 г. она

²⁸ А. ZEISING. Russische Novellen: Blätter für literarische Unterhaltung, № 46 (13. 11. 1852) 1081–1096; см. REISSNER, 15–16, 233–238.

писала: «Я едва ли знаю чтение, которое бы так потрясало меня всегда, как герценовские мемуары. Духовные страдания, выпавшие на долю *молодой России*, порождают совсем другое развитие, чем полицейская реакция в Германии. Меня всякий раз трогает это сообщество *чистых идеалистов*, — и мечтаешь — как хорошо было бы с ними быть молодыми и с ними страдать, если бы за это можно было ощутить ту чистую, страстную одухотворенность, какой они горели. Мне представляются при этом все мои собственные чувства лишь половинчатыми и вся моя деятельность ничтожной. Мы часто смеялись над причудой Фарнгагена «учить русский». Теперь я хорошо понимаю ее. Он был именно более образован, чем мы, и знал, что там можно получить»²⁹. Заметим, — запись эта сделана тогда, когда Фанни Левальд интенсивно работала над собственными мемуарами³⁰.

5. И тут мы вплотную подошли еще к одному аспекту темы — от эстетической рецепции к вопросу о прямом воздействии творчества Герцена на современную немецкую литературу. Почва для него, как видно из сказанного, уже существовала. На первой стадии разработки этой проблемы резонно обратиться к творчеству тех литераторов, которые находились в более или менее близких личных контактах с Герценом. А это был обширный круг людей многообразного демократического и либерального спектра воззрений в Германии и политической эмиграции Европы и Америки, начиная с Г. Гервега и кончая И. Якоби и М. Гартманом.

Но прежде всего, на границе 2 названных направлений исследования, связывая их в единый узел, находится особое ответвление темы, заслуживающее специального внимания. Это деятельность нескольких литературных посредников, благодаря которым особенно интенсивно шло укоренение творческого мира Герцена в немецкой культуре середины XIX в. Это роль переводчиков, издателей, критиков, ранее и сильнее других ощутивших его новаторское значение и кровную важность для литературной жизни Германии и Европы. Как видно из предыдущего, наиболее значимы в этом ряду имена писателей-энтузиастов В. Вольфзона, М. Мейзенбуг, Ю. Роденберга.

Из этих имен, в их посреднической миссии, за последние десятилетия оказывались в поле зрения ученых, и то отчасти, лишь фактологически — труды и усилия Вольфзона: к ним обращалась в нескольких работах д-р К. Шульце из Берлина. И в одном из томов «*West-Ostliche Spiegelungen*» (Кельн, гл. ред. Л. Копелев) его пропаганде русской литературы посвящено несколько страниц³¹. Но в этом ряду энтузиастов русской музыки, активно способствовавших взаимодействию культур, не

²⁹ F. LEWALD. *Gefühltes und Gedachtes*. Dresden–Leipzig, 1900, 62.

³⁰ F. LEWALD. *Meine Lebensgeschichte*, 1–6. Berlin 1861–1862.

³¹ *West-Ostliche Spiegelungen*. «*Rusland aus deutscher Sicht im 19. Jahrhundert*», R. A. Bd. 3. Köln 1992, 275–285, 833–834.

упомянуты ни Роденберг, ни Мейзенбург³². А только ее переводы из Герцена, и зачастую авторизованный (не говоря о других переводах, нередко подсказанных им, о критических статьях и пр.), заняли не менее 10 томов. И несколько последующих поколений немцев первоначальное знакомство с личностью и творчеством Герцена начинали с ее мемуаров...

Разумеется, собственные произведения этих друзей Герцена, их критические суждения о русской литературе, эстетические позиции в первую очередь несут на себе явственные следы влияния герценовских, — в частности, его понимания свободолобивого, гуманистического заряда русской литературы. Так, в критических статьях Вольфсона о Герцене, а также Пушкине, Достоевском, Павлове, Гоголе, Салтыкове, в его вводных статьях к собственным пьесам — я нахожу прямые отзвуки программных положений «натуральной школы», ее принципов реализма, формулировавшихся Герценом и Белинским. Даже заимствуется сама терминология: персонажей в своих пьесах он намерен рисовать, «как теперь принято говорить, — согласно натуре»; его занимают определенные «характеры и обстоятельства»; Герцен изображает «физиологию и патологию русского общества» и т.п.³³

Столь же непосредственно определяется эстетическими концепциями Герцена ядро критических работ Мейзенбург (их круг помогают расширить новые публикации переписки): это *Russian Literature and Alexander Pusckin*³⁴, статьи в английской периодике о Лермонтове, Толстом, там же и в немецкой — о произведениях Герцена, это литературные экскурсии, оценки в ее публикации и мемуарах.

Однако намного сложнее, чем зависимость эстетических суждений писателей от герценовских, оказывается связь их художественного творчества с поэтическим миром Герцена. Тут вступают в действие и некие иррациональные факторы — как подсознательные свойства самой личности и таланта или просто его недостаток, нехватка творческого такта и т.п. Так, переводчик мемуаров Герцена — в собственных воспоминаниях³⁵ оказывается далеко не на высоте образца. Они перепечатывались затем многократно, ибо содержали обширную информацию о богатой событиями и встречами жизни автора, включали и многие заимствованные у Герцена характеристики, эпизоды (напри-

³² Да и роль самого Герцена как средоточия, узловой фигуры во взаимообогащении культур не нашла здесь достойного отражения. К примеру, в синхронных таблицах, заключающих том, даже нет вообще упоминаний о Герцене, «Колоколе», VaU, «Былом и думах».

³³ W. WOLFSOHN. Dramatische Werke, 3. Die Osternacht. Vorwort. Dresden 1859, S. XII; IDEM. Rußlands Novellendichter. 3. Vorwort, S. 15.

³⁴ См.: Л. М. Аринштейн, Статья о Пушкине в английском журнале 1850-х годов: Временник Пушкинской комиссии, 1973. Ленинград 1975, 36–51.

³⁵ M. VON MEYSENBURG. Memoiren einer Idealistin, 1–3. Stuttgart 1876; т. 1 был первоначально напечатан по-французски в 1869 г., в женеvской типографии М. Чернецкого, финансировавшей Герценом.

мер, о Ворцеле, Бартелеми, о празднике освобождения крестьян в доме Герцена и др.). Но портреты, описания самой Мейзенбуг однолинейны, восторженны — лишены теней в оценке Герцена³⁶. Он был не удовлетворен нереалистической, «идеализирующей» манерой автора, ее стремлением «золотить пилюли жизни», пытался ей напомнить о «верности красок» «Былого и дум» (XXXIX, 365, 377, 378). Романы же Мейзенбуг, с ходульными, лишенными характерности образами и подчас утопическими сюжетами, уже при рождении не выдерживали эстетической критики.

В очерке Вольфзона о Берлине 1848 г., напечатанном в «Москвитяине»³⁷, мы находим выразительные описания поверженного города, перекликающиеся с «Письмами из Франции и Италии», «С того берега» общей направленностью наблюдений. А в его пьесе *Sie ist nur eine Seele* (1854; ставилась с 1855, напечатана в 1857 г.), посвященной измывательству крепостника над крестьянской сиротой-воспитанницей, музыкантшей, конфликт несет следы прямого заимствования из «Сороки-воровки». Но у автора не хватило творческой последовательности для подлинно реалистической — трагической — развязки. Пьеса завершается счастливым соединением героини с любящим ее молодым помещиком-мечтателем и ликованием крестьян. Благодаря злободневному сюжету, пьеса пользовалась успехом, обошла многие сцены Германии на рубеже 50–60-х годов, была переведена там и на русский язык, но с потерей злободневности, постепенно исчезла из сценического обихода³⁸.

И книги путевых очерков Роденберга о Лондоне, Париже, других путешествиях, несущие отпечаток влияния герценовской публицистики, живые и остроумные, в свое время очень популярные очерки не обладали той силой поэтической мысли, той глубиной поиска истины, чтобы остаться в классическом фонде национальной литературы равно как и мемуары или многочисленные социальные романы Ф. Левальд, отчасти связанные в их творческой истории с обаянием творений Герцена и воздействием самой его личности. (Личные контакты ее и ее мужа, известного писателя и историка Адольфа Штара с Герценом

³⁶ Отсутствие в ее портретах современников живых черт, которые «вызывали бы эту фигуру перед нашим взором», отмечалось также в статьях писателя В. фон Шольца: *Bücher vom eigenen Leben (W. VON SCHOLZ. Gedanken zum Drama und andere Aufsätze über Bühne und Literatur. München–Leipzig 1905, 152–153)*; Alexander Hercen (август 1905; была ли опубликована, установить пока не удалось; автограф — в Deutsches Literaturarchiv, Marbach).

³⁷ 1849, № 6, вып. 2, «письмо корреспондента из Лейпцига от 14 февраля», см.: *CHR. SCHULTZE. Th. Fontanes und W. Wolfsons Begegnungen 1848/49 («Fontaneblätter, Bd. 6, Hf. 5, 1987/1, 486–487)*.

³⁸ *W. WOLFSOHN. Dramatische Werke, 2. Dresden 1857*; см. русский пер.: *В. Вольфзон. Она только душа! Лейпциг 1860. Издатель во вступлении «К читателю» противопоставил ее «абсолютно социальному направлению лондонской книгопечати» (с. IV)*.

начались еще на рубеже 40–50-х годов и стали особенно тесными летом 1867 г. в Женеве.³⁹) Мною обнаружен, кстати, очерк Штара о встречах с Гарибальди в сентябре 1867 г., явно и откровенно восходящий в характеристике итальянского героя к *Camicia rossa*⁴⁰.

Перечисленное — все же явления не магистральные в поступательном развитии литературы Германии. Разумеется, необходимо продолжать обследование текущей ее продукции, памятуя при этом, что живые токи герценовской «поэзии мысли» распространялись от непосредственного соприкосновения к опосредствованному, расширяя в целом духовные горизонты немецкой литературной среды. Такие энтузиасты, как Вольфзон, заражали своей любовью к русскому реализму более сильные творческие индивидуальности — Т. Фонтане, Б. Ауэрбаха, О. Людвиг и др. Мейзенбург методично помогала осознать значимость Герцена не только многим немецким друзьям, но и молодым французским писателям — Г. Моно, Р. Роллану. Она же способствовала интересу к Герцену у молодого Ницше. Его отзыв о «Былом и думам» весьма примечателен⁴¹. 27 августа 1872 г. он писал Мейзенбург: «Что вы переводчица мемуаров Герцена, было для меня совершенно ново; я сожалею, что прежде, чем узнал это, не выразил вам свое ощущение ценности этого перевода. Я был изумлен мастерством и силой выражения и, склонный предполагать у Герцена любой выдающийся талант, я молча решил, что он сам перевел свои мемуары с русского на немецкий. Я обратил внимание моих друзей на это произведение⁴²; я по нему научился о множестве отрицательных тенденциях думать более сочувственно, чем был способен до этого; и собственно отрицательными я не должен бы их назвать. Ибо такая благородно-пламенная и стойкая душа не могла бы питаться только отрицанием и ненавистью».

Так, отправляясь в своих поисках подчас от фигур творчески периферийных, наталкиваясь порой на материалы перспективные, на новые темы, заманчивые для последующей разработки — как, положим, «Ницше и Герцен»...

Подытожим. Герцен был художником-мыслителем таких масштабов, равных которым в 50–60-е годы не было ни в Германии, ни в Ев-

³⁹ «Он один из значительнейших людей, которых я встречал», — писал Штар сыну 26 июня 1867 г.: Aus Adolf Stahrs Nachlas. Briefe. Hrsg. L. Geiger, Oldenburg 1903, 293.

⁴⁰ Там же, 294–303.

⁴¹ F. NITZSCHE. Gesammelte Briefe. Bd. 3, 2. Hälfte, Berlin–Leipzig 1905, 407. Перед этим, 11 августа 1872 г., Мейзенбург сообщила Ницше, что читаемые им «Былое и думы» перевела она, и посоветовала также прочитать книгу VaU: «В ней скептицизм и отрицание возвышаются до поэзии».

⁴² См. письма Ницше к бар. К. фон Герсдорфу («в высшей степени поучительно и страшно») и Э. Роде от 2 августа 1872 г. (Там же, I. Leipzig 1903, 219; II, 345). См. также Bd. 3, 2. Hälfte, S. 423.

ропе⁴³. И воспринимались его творениям мыслящими современниками как единственные в своем роде, подобные «перевороту». При всем том, пока мои наблюдения над литературной ситуацией, над творчеством писателей близкого круга не дают оснований выделить то явление, которое могло бы быть обозначено как «школа Герцена» в немецкой литературе. Как сказано, прямые ориентации, заимствования в сюжетах, жанровых образованиях, характеристиках — не давали значительных творческих результатов. Что, впрочем, наблюдалось и в России. Художественный мир Герцена нес печать столь яркой творческой индивидуальности, что он остался уникальным в смысле отсутствия прямой стилиевой преемственности. Но его реалистические открытия в исследовании характера — в передаче движения мысли, жизни человеческого духа, внутренней борьбы идей — вошли в плоть и кровь русского реализма в целом. Они по-разному претворялись в поэтике Тургенева, Толстого, Достоевского, Салтыкова, повышая общую философскую насыщенность русской классики.

И в немецкой литературе реалистический интеллектуализм Герцена, введение в изображаемый характер его идеологических параметров, сферы противоречий и конфликтов умственной жизни целых поколений — а через их преодоление — неустанного движения личности — не прошли бесследно. Его философский диалогизм, лирическая открытость и суровая бескомпромиссность в критике действительности, в саркастической расправе с отжившими идеалами и иллюзиями — входили в общую духовную атмосферу времени. В эстетическом обиходе сохранилась как достойный прецедент и устремленность к охвату тончайшего «живописания» единой мыслью, единым духовным напряжением авторской «могучей» идеи.

И здесь, думается, возникает возможность от «малого времени» жизни писателя, на базе освоения конкретных фактов его творческой деятельности и эволюции, художественного взаимодействия и диалога с современниками — подняться неким высшим эстетическим простором, охватить мысленным взором место писателя в «большом времени» (как назвал его Бахтин) общих закономерностей развития литературы. Там действуют уже не отдельные личности, их пристрастия и оценки, а объективная «память жанра». И в этих параметрах — в поступательном движении мировой «интеллектуальной прозы» герценовский тип художественной структуры занимает свое достойное место. Он составляет оригинальную и существенную ступень на пути от Вольтера и Дидро, немецких романтиков, Гёте и Гейне — к «интеллектуальной прозе» века XX, отмеченного такими именами, как Томас Манн, Герман Гессе, Макс Фриш.

⁴³ Эти масштабы прозревались иногда и современниками. Так, английская газета *Leader* писала в январе 1860 г., что «Гёте мог бы усмотреть в нем (Герцене) яркое подтверждение своей теории грядущей универсальной (т.е. мировой) литературы» (XI, 766).